

ТРИ С ПОЛОВИНОЙ ВСТРЕЧИ В ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ РЕАЛЬНОСТЯХ

О Лиссабоне говорят, как о зачарованном городе - городе тайн, мистики и неожиданных встреч.

Мне повезло...

ВСТРЕЧА ПЕРВАЯ

Дворец Мафра – королевский дворец в Португалии. Крупномасштабное здание в барочном стиле, включающее в себя и жилые помещения, и монастырь, и больницу, и залы для государственных ассамблей, и великолепную трёхъярусную библиотеку... Смесь всего со всем – впечатляет!

Уже почти на выходе, заглядываю во внутренний двор и, к своему удивлению, обнаруживаю скульптуры сов. Их довольно много, не меньше девяти. Подхожу ближе и вдруг... с громким, требовательным и, явно недовольным криком, одна из сов пикирует вниз и, продолжая противно ворчать, начинает вышагивать вокруг своего постамента. Остальные совы продолжают сидеть, не двигаясь, но мои сомнения уже рассеялись, и я понимаю, что все это настоящие живые птицы. Сомнения исчезли, но возникает вопрос: «Что это за представление? Почему здесь?». Я замечаю стоящего в стороне молодого человека, лет 30+ и с этими вопросами обращаюсь к нему.

Он мне охотно объясняет, что это выставка добровольческой организации, которая занимается защитой, лечением и выращиванием всевозможных пернатых, большей частью сов, а кроме того, демонстрирует их в различных учебных заведениях, обучая бережному отношению к природе и птицам. Муниципалитет Мафры спонсирует их деятельность и предоставляет место для показа.

Но мой рассказ не об организации, какие бы благородные цели она не преследовала, – мой рассказ о молодом человеке и нашей с ним беседе.

- Правда, что совы мудрые птицы?

- Нет, это больше легенда. Сов принято ассоциировать с Афиной Палладой - богиней мудрости, вот им и перепадает от её славы. Есть много более сообразительных птиц, но только у сов оба широко открытых глаза смотрят вперед, как у человека - вот нам и кажется, что они подобны нам, а они даже зрительной памятью не обладают – сколько их не корми, они тебя не помнят... Но у них есть характер. Мы каждой даем имя... по характеру. Вот этот ворчливый крикун: Наполеон, а вот там Фиона (как в фильме Шрек), а там Хогвартс, как в Гарри Поттере.

Фиона красавица и вес у нее солидный 2.5 кг. Как ты думаешь, сколько весит Хогвартс?

На мой взгляд, он очень мощный, внушительных размеров - волшебник, что ни говори! «Около 3-х?» - предполагаю я. Молодой человек смотрит на меня с благодарностью: «Он тут самый легкий! Всего 900 грамм - сплошные перья да пух. Он летает совсем бесшумно, как бы возникает из пустоты. Эти птицы не тратят свою энергию на полет. У них хороший слух и ночное зрение. Заметив мышь, они одним бесшумным махом пикируют с дерева, прямо на нее. Кстати, знаешь, как устроены уши у сов? Они ассиметричны – одно направлено вниз, а другое – вверх. В этом секрет их идеального слуха».

- А почему ты так точно знаешь вес каждой птицы? Это так важно? - спрашиваю я.

- Это самый важный показатель для птиц, особенно когда они растут в неволе и их нужно научить летать.

«Научить летать?» - переспрашиваю я, в недоумении - «Разве это не заложено в них самой природой?»

- Эти птицы летают, только для того, чтобы добыть пищу, а пища им нужна, только если они теряют в весе. Если я хочу научить их летать, я должен установить для них диету, при которой они теряют хотя бы 150 граммов в день... Иначе они не полетят и даже у меня еду не возьмут – знают свою меру и запасов не делают.

- Значит им не нужна свобода?

- Свобода - это понятие человеческое, а совы и на воле домоседы... редко покидают своё место.

Я зачарованно смотрю на своего собеседника - он весь светится, рассказывая о своей работе, о птицах, об их повадках и своих наблюдениях. Каждый мой вопрос вызывает в нем множество ассоциаций, историй, фактов.

Вокруг собираются люди, но он продолжает рассказывать только мне.

Настоящая магия окутывает нас, и я уже готова сама посвятить свою жизнь

спасению и обучению этих птиц.

- Что ты изучал, для того чтобы заниматься этим делом?

Его взгляд на секунду гаснет: «Я изучал биологию, но не закончил...».

- Ты хочешь изучать орнитологию? - слово спонтанно всплывает из моей памяти. И опять свет озаряет его лицо.

- Это моя мечта! Как здорово, что ты спросила именно об этом... и что ты знаешь, что это такое...

Мы говорим почти час. Мне, по-настоящему, интересно. Страшно оборвать его рассказ, но надо уходить – птиц пора кормить, да и всё прибывающие посетители начинают требовать внимания. Я благодарю его, а он смотрит растерянно, будто волшебный туман рассеялся и становится как-то неуютно, неловко, как при расставании с близким человеком... без надежды на встречу в будущем. Грустно и светло, одновременно...

- Тебе спасибо – говорит он...

ВСТРЕЧА ВТОРАЯ

Национальный пантеон Португалии. Мы туда попадаем совершенно случайно – это впечатляющее произведение Португальского Барокко возникает перед нами как мираж. Внутри, под сводами едва слышно, звучит изумительное фадо - голос глубокий, проникновенный, исполненный трагизма. Музыка завораживает меня и не отпускает. Тяну время и не хочу уходить... Подхожу к молодому парнишке 20+, продающему входные билеты.

- Чей это голос? - Это Амалия Родригес – она похоронена здесь. Одна из лучших исполнительниц – королева фадо.

- А ты любишь фадо?

- Люблю – и взгляд, почему-то, в сторону – очень...

В это время за его спиной замечаю мужчину постарше, видимо коллегу.

- Любит ли он фадо? Да он просто сумасшедший с этим фадо! Он с ним спит, ест, живет! Просто сумасшедший! - смеётся он.

- Вот и отлично! Значит ты мне и нужен - говорю я - Кого ты порекомендуешь, как лучшего исполнителя?

- Смотря, что ты любишь...

- Как я могу знать, что я люблю – я только пытаюсь разобраться в этом стиле. Слушаю Маризу – мне нравится. Была на двух концертах в тавернах – по-моему, немного халтура... А кто твои фавориты?

- Я люблю классическое фадо. Не люблю, когда его разбавляют попом или роком. Мне нравится Амалия Родригез, Кармино, Ана Моура – хотя она немного добавляет модерн...

- Можешь написать мне их имена? Это всё только женщины?

- Да, все больше женщины – мужчины обычно менее знамениты ...

- Что по-настоящему важно в этой музыке? Что притягивает тебя?

- Эмоциональность, глубина, история, трагизм... мастерство. У нас - фадо, в Испании, по соседству, - фламенко.

- Согласись, это не совсем одно и то же. Фламенко более экспрессивно, темпераментно, даже агрессивно, оно не сдается! Один ритм кастаньет и чечетка чего стоят!

- Ты права, но и там истории грустные и трагические. И там тоже больше известны женщины...

- И в фадо и во фламенко мужчины больше плачут, а женщины – сильные личности, несмотря на превратности судьбы. Как ты думаешь, почему? Национальная особенность?

Он задумывается, а потом смеётся: «Ты ведь сама говоришь – женщины слишком сильные!»

- Мне кажется, что фадо ближе к русскому романсу, чем к фламенко. Кстати, тоже под гитару, короткая история, полная трагизма... Ты когда-нибудь слышал русские романсы? Он тут же берет лист бумаги и карандаш: «Не слышал, как это пишется? Кого мне стоит послушать? Кого предпочитаешь ты?» Я ему рассказываю о русских романсах, он мне о фадо... - Я же сказал тебе – он помешанный на фадо! – насмешливый голос его старшего коллеги... И опять эта боязнь прервать разговор... Сожаление от необходимости уйти... Ощущение неминуемой потери... и свет... волшебный свет увлеченности...

- Спасибо тебе.

- Тебе спасибо...

ВСТРЕЧА ТРЕТЬЯ И ДЕССЕРТ

На одной из улиц Лиссабона мы случайно набрали на необычный дом с каменными шипами и несимметрично расположенными окнами. На его фасаде выделялся внушительный портрет Жозе Сарамаго, а образы героев из его книг заполняли оконные проёмы. Фонд Жозе Сарамаго – бесспорно, самого известного португальского писателя современности, а заодно, и одного из моих любимых авторов.

Его «Евангелие от Иисуса» стало для меня, в своё время, настоящим откровением. На протяжении многих лет, я внимательно следила за его творчеством, выискивая и прочитывая практически всё, что выходило на русском языке. Что-то нравилось безоговорочно, что-то вызывало протест и раздражение, но, неизменно, было интересно. Для меня его книги были всегда желанной и искомой встречей с умным, думающим и эрудированным собеседником – другом. После его смерти, в 2010 году, в моем отношении к Сарамаго появилось чувство сожаления и досады. В своих произведениях он говорил о далеком прошлом, о недавнем прошлом, о возможной реальности, о религии и вере... Была в нем и мудрость, и наивность, категоричность и сомнения, ирония и сарказм, необычность подхода и восхитительный стиль (присущий только ему и им же созданный). Я всё время ждала, что ещё немного, и он обратит внимание на сегодняшние реалии, на грядущее, на будущее... От этого, глубоко уважаемого мной, человека я ждала какого-то прорыва в видении, в понимании, которого не произошло. Его смерть лишала меня последней надежды, и это разочаровывало. Даты его жизни 1922 – 2010 определили его нишу в истории и в литературе – двери клетки захлопнулись, и он навсегда остался поклонником коммунизма, борцом за права человека, атеистом ... таблички, таблички, таблички...

В любом случае, мне хотелось отдать дань любви и уважения этому человеку и пропустить этот фонд-музей я не могла. И ещё... у меня теплилась надежда развеять мои сомнения и досаду.

В холле фонда-музея приглушённый свет, направленный на ступени, ведущие вверх на второй этаж. На каждой ступеньке – цитаты из Сарамаго. В кассе мне дают входные билеты, а уплатить просят на последнем этаже в магазине-библиотеке (у меня нет наличных, а аппарат для карточек не работает). «Не торопитесь, посмотрите всё, а уплатить сможете в конце» -

говорит нам девушка в кассе.

Я спрашиваю её, какое основное назначение этого фонда и она, с явным удовольствием, рассказывает нам, что этот центр был создан ещё при жизни Сарاماго как центр защиты прав человека, а после его смерти стал также официальным музеем Сарاماго и библиотекой его произведений, издаваемых фондом. Она предупреждает мой вопрос по поводу цитат на ступеньках и говорит, что в библиотеке мы сможем найти переводы и всю необходимую информацию на английском.

Мы поднимаемся наверх по ступеням-цитатам и попадаем в залы, заполненные книгами Сарاماго на всевозможных языках, фотографии различных этапов его жизни, раскрытые рукописи... Мне очень любопытно посмотреть на его особую орфографию, точнее отсутствие оной. Всё так и есть: мысль течет, не прерываясь, практически, никакими знаками препинаний, не растрачиваясь на заглавные буквы... феномен... при этом легкость понимания и чтения (это, естественно, по читательскому опыту, а не зрительному восприятию – португальский мне недоступен). Как же нужно уметь сформировать мысль, чтобы она не нуждалась во вспомогательных подпорках?

К своему удивлению, отмечаю книги, названия которых мне не знакомы – меня это радует – значит, не всё ещё исчерпано...

Поднимаемся на следующий этаж: библиотека и магазин издательства фонда. Меня беспокоит вопрос оплаты, и я устремляюсь к единственному находящемуся здесь человеку – мужчине лет 50+: «Здравствуйтесь, я должна Вам уплатить за билеты».

- Не торопитесь, Вы можете уплатить в конце – улыбается он.

- Нет, хочу сейчас! Мне этот долг мешает! – говорю я вполне серьёзно.

Уплатив свои 9 евро за 3-х посетителей, чувствую себя вольготней и приступаю к главной цели своего визита: узнать и понять, как можно больше.

- Расскажите мне, пожалуйста, об этом месте.

- Это библиотека и книжный магазин, содержащий книги, выпущенные издательством фонда Сарاماго – его книги, в основном... Вы знакомы с его творчеством?

- Да, он один из моих любимых авторов.

- А что Вы думаете по поводу «Евангелие от Иисуса»?

- Думаю, что это лучшее, что у него есть – для меня, Сарاماго начинается с этой книги.

- А «Каин»?

- А «Каин» - достойное завершение начатого. С чем-то согласна, с чем-то не очень, но... «снимаю шляпу» ... Он остался верен себе и последователен!

- У нас тут кроме книг, есть два фильма по его произведениям. Вам они знакомы?

Я поворачиваюсь по направлению его взгляда и вижу две афиши фильмов: «Слепота» и «Враг». Оба фильма мне знакомы и у меня даже есть, что сказать по этому поводу (поразительно!)

- «Слепота», по- моему, очень уступает книге. Знаю, что Сарамаго принимал некое участие в его создании, но мне он кажется слабым – книга много глубже. «Враг» - фильм потрясающий, но книга называется «Двойник» и это меняет всё... Его, с большим трудом, можно назвать экранизацией. Вполне самостоятельное произведение.

Кажется, я прошла экзамен и мужчина, широко улыбаясь, покидает свое рабочее место и подходит к столу, на котором разложены несколько экземпляров неизвестной мне книги Сарамаго «Алебарда».

- «Каин» был последней законченной и напечатанной книгой Сарамаго, при жизни, но он продолжал писать до самой смерти и у него осталась начатое произведение, всего 3-и главы, под названием «Алебарда». Алебарда – это вид холодного оружия – объясняет мне мужчина – такое оружие и многие другие виды производились на оружейной фабрике, в одном из районов Лиссабона. Эта фабрика продолжала работать много лет, даже во времена второй мировой войны, если я не ошибаюсь. Книга только в самом начале, но мы решили её издать, в его память, со статьями других авторов и иллюстрациями Гюнтера Грасса.

- Гюнтер Грасс? – переспрашиваю я – Он же писатель...

- Да, но видимо и художник... - немного подумав, отвечает мне мой рассказчик – все, кто, вошёл в этот сборник, были большими поклонниками Сарамаго.

- А о чём эта книга?

- Кто может знать, о чем? Книга только зарождалась в его голове... наверно о фабрике, о людях, о войне...

- Простите, но тогда мне больше нравится идея, что он закончил «Каином». Мы улыбаемся друг другу, как заговорщики – наша беседа вошла в своё естественное русло и потекла полноводной рекой.

- Это не единственная книга, которую фонд выпустил после его смерти – с интригующей улыбкой, объявляет мужчина, беря с полки и протягивая мне, ещё одну книгу Сарамаго с незнакомым для меня названием: «Skylight»

(позволю себе перевести это как «Стеклянная крыша»). У этой книги очень интересная история. Сарамаго написал её в самом начале своей карьеры в 1953 году, отправил в издательство, и она пропала... Ни ответа, ни привет... После этого больше 25 лет он вообще ничего серьёзного не писал, так, по мелочам, репортажи в газетенках, да всевозможные чисто технические работы. А в 1977 году он выпустил свой первый крупный роман - «Поднявшиеся с земли», уже в новом стиле, и, вдруг, получил признание. - Я очень не люблю этот роман – пренебрегая всеми правилами приличия, спешу сообщить я - слишком напоминает «Мать» Горького и явно имеет политическую окраску, не смогла себя заставить даже дочитать его. Вам знакомо это имя – Максим Горький?

Мужчине явно неловко, то ли от моей резкости, то ли от явного незнания «великого писателя» Горького, то ли за Сарамаго...

- Нет, но я слышал что-то об этом, да Сарамаго никогда и не скрывал своих взглядов... По крайней мере, он был искренен и честен в том, во что он верил. Даже если это было ошибочно.

- Да, в «Слепоте» у него есть что-то похожее: Если я искренен сегодня, какое мне дело, что завтра буду раскаиваться... - иду я на попятную...

Волна улеглась, и мой рассказчик продолжает: «Воодушевлённый первым успехом, Сарамаго пишет следующую книгу «Воспоминание о монастыре» или в некоторых переводах «Бальтазар и Блимунда», повествование разворачивается на фоне строительства монастыря в Мафре в начале XVIII века и уже после этой книги становится признанным автором.

- Я люблю эту книгу. Странно, что после «Поднявшихся с земли» он сразу вышел на такой уровень мистики и поэтичности. Не хочу перебивать, но как всё это связано с книгой в моей руке «Skylight»? Боюсь, мы отплывём слишком далеко от темы (к обоюдному удовольствию... что скрывать?), а Вы меня заинтриговали...

- Да, конечно! Как только Сарамаго стал заслуженным и популярным писателем, вдруг, объявилась пропавшая книга. Появился редактор издательства, сам своей персоной, и предложил её издать. По словам жены Сарамаго, он отбросил рукопись в сторону, даже не глядя и сказал, что, при его жизни, она напечатана не будет. Правда, по поводу «после смерти», ничего сказано не было...

- Вы считаете, что печатать её сейчас правомерно? Она ведь, скорее всего, слабее всего того, что он писал позже.

- Наверно Вы правы... С другой стороны, это возможность познать ещё одну

грань автора, да и путь становления может быть интересен, сам по себе...
Сейчас идет подготовка к спектаклю по этой книге.

- Сарамаго жил в Лиссабоне?

- Нет, он не мог здесь жить после выхода в свет «Евангелие от Иисуса».

Португалия слишком католическая страна. Он не мог тут оставаться и переехал жить в Испанию на остров Лансерот.

- Странно, после прокоммунистической книги – получил известность, а после иного взгляда на историю Христа, должен был покинуть Португалию... В Португалии сильны коммунистические идеи? – любопытно для меня.

- Да нет – пытается «откреститься» мой собеседник – он вызвал скандал дважды... просто, второй раз, было уже чересчур... Он никогда не был удобным человеком и не всегда прав, но...

- Португалия может гордиться такой личностью – тороплюсь опередить его я, хотя внутри у меня, брыкается во все стороны, вопрос, на который мне надо получить ответ и, именно, здесь, в этом месте. Я начинаю издалека: «Я думаю, есть писатели провидцы, которые могут улавливать тенденции, намеки грядущего, опасности, подводные рифы и видеть будущее (как Бредбери, Уэльбек...). По-моему, Сарамаго, при всем моём уважении к нему, не обладал этим даром. Он жил мерками и понятиями уходящего мира, в этом он был блестящ, но мир не стоит на месте, а он так и остался в протестах прошлого. Я это называю моралью «Хижины дяди Тома». В том конфликте всё ясно – где добро, где зло, на чьей стороне правильно стоять... Другое дело...» - как перед прыжком в воду, задерживаю дыхание: «... другое дело такой конфликт как палестино–израильский, например, где всё перепутано, кровоточит, разрывает душу, разрушает семьи с обеих сторон...»

Я вижу, как мой собеседник отводит взгляд: «Я знаю о чём Вы... Он был категоричен и это не делало ему чести... мне жаль. Он был художник, Вы, наверно, правы – не провидец. И ещё он был пессимист – будущее ему виделось не радужным... Может поэтому ему не хотелось смотреть в ту сторону?»

Мы говорим на английском, у моего собеседника родной язык португальский, у меня – русский. Мы можем продолжать нашу беседу часами – у нас общий язык, мы понимаем друг друга на полусловах, на полутонах. Мы общаемся на уровне взглядов и ассоциаций...

Настойчиво звонит телефон, но мы не можем прервать наш разговор. Я пытаюсь сказать, что он может ответить, что я подожду, но он отмахивается от телефона и мы продолжаем разговор.

Он подзывает меня к окну: «Вот там на улице, видишь, масленичное дерево. Его привезли из тех мест, где родился Сарамаго. Его пепел захоронен под ним...»

И тут меня просто озаряет! В последнем романе Меира Шалева «Вышли из леса две медведицы», одного из любимых моих израильских писателей, один из героев, идёт по жизни, в сопровождении своего дерева, которое он перевозит на большой арбе, заполненной землёй. Я рассказываю эту историю и вижу, по реакции мужчины, что имя Шалев для него привычно и знакомо.

- Вы были лично знакомы с Сарамаго? – спрашиваю я его напоследок.

- Нет, я пришёл позже, после его смерти. Я читал все его книги и хотел знать больше, хотя далеко не всегда был с ним согласен...

- Португалии есть чем гордиться – опять говорю я – не многие страны могут похвастаться такими титанами в наше время. Огромное Вам спасибо за разговор, за рассказ.

- Ради таких разговоров и встреч стоит жить... - говорит он - Вам спасибо...

И опять, это странное ощущение неизбежной потери, расставания и света...

Выходим на улицу. Я направляюсь к дереву, под которым похоронен Сарамаго. Около дерева какие-то люди, то ли бездомные, то ли безработные, то ли прости бездельники. На дереве висит чья-то куртка. Я подхожу ближе и спрашиваю, можно ли убрать куртку – хочу сфотографировать дерево и табличку. Мужичок, лет эдак 70+, услужливо, убирает куртку и задумчиво произносит: «Сарамаго! Мой дедушка... 5 евро...»

Я напрягаю все свои интеллектуальные способности, пытаюсь соединить эти слова в смысл и, должна сознаться, что раз эдак на третий, начинаю понимать, что с меня тянут деньги за право фотографировать. Я смотрю на этого ухмыляющегося старикашку и говорю, без тени улыбки: «Ты уверен, что это твой дедушка?» «Что за вопрос?» - отвечает он, с гордо поднятой головой. «Не вопрос» - отвечаю я – «Только, это мой дедушка!» «Правда?» - на полном серьёзе.

- Конечно, правда – зачем мне тебе врать?

- Ну ладно, дай евро, по-родственному – соглашается он.

- Так ты ценишь нашего дедушку? – возмущаюсь я.

- Да фотографируй ты, сколько хочешь – он, обиженно, отходит в сторону, освобождая мне место.

Денег я ему не дала... и, честно, сожалею... За живучесть идеи «Детей лейтенанта Шмидта» - платить НАДО!

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Что есть Реальность?

На одной из моих выставок, кроме картин и фотографий, была представлена серия черно-белых фотокомпозиций, с образами птиц, создаваемых размытием всевозможных элементов природы, пятен, теней. Я озаглавила эту серию «Парение свыше». Изображений настоящих птиц там было не больше двух. Эта серия, неожиданно, вызвала особый интерес и поразила меня реакцией зрителей. Глядя на созданные, чисто ассоциативные, образы птиц зрители спрашивали, как мне удалось так здорово сфотографировать натуру, а настоящие птицы – вызвали критику, неточностью пропорций и объема. Поначалу, я объясняла где реальные птицы, а где – растянутое, в форме птицы, пятно на стене или капля дождя на садовом стуле, но это разрушало магию восприятия..., и я просто поменяла название серии на «Что есть реальность?».

Три зарисовки. Три встречи со случайными людьми в Лиссабоне. Пять судеб: Молодой человек с совами, Юноша и Королева фадо, Мужчина и Сарамаго. Увлеченность, зачарованность... Всё это происходит в богатой историей и бедной экономически Португалии. Бедность осыпается со всех фасадов, всех домов... Церкви и храмы слепят кричащим обилием золота и лепнины... Каждый раз, когда я захожу в них, «Пепел Клааса», помимо моей воли, стучит в моём сердце и образы из книги «Последний каббалист Лиссабона» Ричарда Зимлера, встают перед глазами... И ещё так много всего вокруг... Что из этого реальность, а что сон... Кто мы в этом калейдоскопе реалий? Думаю, всё зависит от того, в какую сторону смотреть... И выбор стороны – вот та Единственная, доступная нам Реальность...

Поразило «послевкусие», возникшее у меня после этих встреч: чувство вины, что пришлось прервать беседу и уйти, чувство потери от невозможности встретиться вновь и невероятный Свет, заполняющий всё вокруг... Поразила растерянность моих случайных собеседников в момент расставания, печаль в глазах, почти беспомощность, желание ещё немного удержать магию понимания, интереса... Наверно, он всё-таки реально существует, этот голод общения...

«Пошли мне, Господь, второго — чтоб вытянул петь со мной!»
Каждый человек – это целый мир, вселенная! Проходя мимо любого человека, не пытаясь его узнать и понять, мы, добровольно, отказываемся от увлекательнейшего путешествия в мир Другого...